

УДК 346
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-1-29-8-14>

ISSN: 2542-0259
 © Российское конкурентное право
 и экономика, 2022

Правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам о группе лиц и запрете на антиконкурентные соглашения, нашедшие отражение в постановлении № 2 его Пленума от 4 марта 2021 г.

Тимошенко А. С.,

Институт развития конкуренции
и антимонопольного
регулирования
Санкт-Петербургского
государственного университета,
199034, Россия, г. Санкт-
Петербург, Университетская
набережная, д. 7—9,
ФАС России,
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 11

Аннотация

В статье рассмотрены правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по ряду взаимосвязанных вопросов о группе лиц и о запрете на антиконкурентные соглашения, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» от 4 марта 2021 г.

Автор предлагает ответы на многочисленные вопросы, возникшие в связи с применением указанных правовых позиций, основанные на анализе действующего законодательства Российской Федерации и сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: группа лиц; антиконкурентное соглашение; общий экономический интерес; антимонопольное законодательство; судебное толкование.

Для цитирования: Тимошенко А. С. Правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам о группе лиц и запрете на антиконкурентные соглашения, нашедшие отражение в постановлении № 2 его Пленума от 4 марта 2021 г. // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 1 (29). С. 8—14, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-1-29-8-14>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the Issues of the Group of Persons and Prohibit for Anti-Competitive Agreements, Which Were Reflected in the Decision No. 2 of its Plenum of March 4th, 2021

Aleftina S. Tymoshenko,

Institute for the Development of Competition and Antimonopoly Regulation St. Petersburg State University,
University Qy, 7—9,
St. Petersburg, 199034, Russia,
FAS Russia,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 11,
Moscow, 125993, Russia

Abstract

The article discusses the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation for a number of interrelated issues about the group of persons and prohibiting the anti-competitive agreements set out in the Resolution of its Plenum № 2 «On some issues arising from the application of the courts of antimonopoly legislation» of March 4 2021. The author offers answers to numerous questions that have arisen in connection with the application of these legal positions, based on the analysis of the current legislation of the Russian Federation and the current law enforcement practice.

Keywords: *group of persons; anti-competitive agreement; general economic interest; antitrust legislation; judicial interpretation.*

For citation: Tymoshenko A. S. The legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues of the group of persons and prohibit for anti-competitive agreements, which were reflected in the Decision No. 2 of its Plenum of March 4th, 2021 // Russian Competition Law and Economy. 2022;(1(29)):8-14 (In Russ.), <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-1-29-8-14>

The author declare no conflict of interest.

4 марта 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее — Постановление № 2)¹.

Анализу различных правовых позиций высшей судебной инстанции, сформулированных в Постановлении № 2, на сегодня посвящен уже ряд научных работ [1—3]. В число таких позиций входит и разъяснение Верховного Суда РФ по вопросам о группе лиц и участии хозяйствующих субъектов группы в различного рода соглашениях, нарушающих или не нарушающих антимонопольное законодательство. Исходя из анализа содержания Постановления № 2 Верховный Суд РФ последовательно реализует идею о том, что группу лиц следует рассматривать в качестве единого хозяйствующего субъекта рынка с общим экономическим интересом по отношению к иным участникам.

Означает ли это, что нормы, ограничивающие участие в антиконкурентном соглашении, априори не распространяются на участников, входящих в группу лиц? По нашему

¹ См.: Рос. газета. 2021. 24 марта.

мнению, *не означает*, поскольку из общего правила, закрепленного в п. 20 Постановления № 2, вытекает, что достигнутые между хозяйствующими субъектами договоренности (соглашения) запрещаются антимонопольным законодательством, если целью и (или) результатом их является недопущение (устранение, ограничение) соперничества хозяйствующих субъектов.

В то же время следует учитывать нормы ч. 7 и 8 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (далее — Закон о защите конкуренции) об иммунитете за преследование антиконкурентных соглашений. Это положение касается только двух видов группы лиц, что следует и из Закона о защите конкуренции, и из содержания пп. 7 (абз. 3) и 28 Постановления № 2, где говорится о том, что запреты на антиконкурентные отношения не применяются при наличии отношений контроля. При этом контроль должен осуществляться в одной из форм, а именно возможность распоряжения более чем 50% голосующих акций или долей в уставном (складочном) капитале юридического лица и осуществление функций исполнительного органа в разных юридических лицах. Эти правила являются специальными, установленными при решении вопроса освобождения группы лиц от запретов на антиконкурентные отношения.

Представляется, что указанное разъяснение внесет правовую определенность в этом вопросе. Как можно проследить из решений судов, судебная практика в большинстве случаев исходит из того, что ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции установлен закрытый перечень критериев отнесения хозяйствующих субъектов к подконтрольной группе лиц, при этом суды отказываются признавать доводы участников группы, расширяющие сферу подконтрольности. Но остались открытыми вопросы: что понимать под «распоряжением голосами», составляющими уставный капитал юридического лица? Что входит в полномочия распоряжения голосами? Какие существуют способы распоряжения голосами?

Правоприменители при решении вопроса о подконтрольности участников группы лиц подходят либо слишком строго, либо, наоборот, приходят к выводу о наличии контроля не в очевидных ситуациях. Как, например, относиться к договорам доверительного управления? По ряду дел суды исходят из того, что указанный договор не свидетельствует о переходе права распоряжения имуществом. При этом ссылаются на положения п. 1 ст. 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее — ГК РФ), ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁴, согласно которым передача имуще-

ства в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему, так как отсутствует факт возможности распоряжения доверительным управляющим по собственному усмотрению более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на доли, составляющие уставный капитал (к примеру, дело № А70-6087/2020).

В ряде дел суды приходят к другому выводу о том, что договор доверительного управления о передаче долей свидетельствует о подконтрольности лиц, поскольку антимонопольное законодательство не ограничивает понятие контроля по критерию распоряжения более чем 50% голосов исключительно приобретением права собственности на такое имущество. В то же время законодатель ни в одном законодательном акте полноценно не раскрывает, что входит в полномочие распоряжения голосами, составляющими уставный капитал юридического лица.

В некоторых случаях суды подробно исследуют содержание договора о передаче в доверительное управление долей в обществах и в целях выявления контроля устанавливают содержание правомочий доверительного управляющего, как то: наделен ли правом голосовать на общих собраниях участников общества, участвовать в управлении общества, осуществляя права участника, выдвигать кандидатуры в органы управления обществ, выполнять иные юридические и фактические действия, вытекающие из права собственности на долю в уставном капитале обществ. По совокупности этих обстоятельств суды соглашались с доводом заявителей о том, что указанный договор доверительного управления долями в обществе в размере 100% уставного капитала юридического лица по сути равнозначен осуществлению функций исполнительного директора и свидетельствует о вхождении участников торгов в одну группу лиц по факту нахождения их под контролем доверительного управляющего (к примеру, дела № А65-27125/2018 и А76-35886/2019).

Таким образом, существующее сегодня между судами разночтение по поводу того, что представляет собой передача имущества в доверительное управление как допустимое доказательство наличия иммунитета от антимонопольного преследования за картели, демонстрирует существенный изъян, который должен быть решен законодателем и (или) единообразной судебной практикой и отвечать на вопросы, в чем выражается распоряжение голосами, в какой форме это право может быть реализовано, какими документами подтверждено.

В этом же пункте Постановления № 2 (п. 28) содержится положение, указывающее на то, что при доказывании картелей в отношении остальных хозяйствующих субъектов, не поименованных в ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, но формирующих группу лиц по иным основаниям, установленным ст. 9 Закона о защите конкуренции, тем не менее должно быть доказано, что указанные лица

² См.: Рос. газета. 2006. 27 июля.

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2006. № 6. Ст. 636.

⁴ См.: СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

являются конкурентами на товарном рынке. Наличие конкурентных отношений, согласно п. 22 Постановления № 2, подтверждается результатами проведенного анализа состояния конкуренции на товарном рынке. Особенно остро этот вопрос встает при обвинении хозяйствующих субъектов в заключении картельного соглашения для участия в торгах с целью повышения, снижения или поддержания цен. В то же время, как известно, торги сами по себе являются конкурентной процедурой, которая через соперничество реальных конкурентов должна выявить победителя, предложившего лучшие условия в жесткой, добросовестной, конкурентной борьбе. Сразу возникают вопросы: о каком едином экономическом интересе можно говорить, если у каждого пришедшего на торги свой экономический интерес — приобрести предмет торгов лично для себя? Что несколькими участникам группы лиц, объединенных единым экономическим интересом, делать на торгах? Почему отдельные участники группы принимают решение лично участвовать в торгах, а не один участник, представляющий данную группу? Если при честной борьбе на торгах предполагается, что каждый участник независим и действует самостоятельно в своем интересе, как можно в этом случае объединить их в одно целое? Или это нормальная ситуация, которая означает, что путем подачи заявки на участие в торгах участники группы ситуативно отказались от нахождения в группе лиц, поскольку, находясь в одной группе лиц, они не утратили своей самостоятельности при решении вопроса, вступать ли в гражданско-правовые отношения, в данном случае участвовать в торгах, но уже участвовать как соперники. В таком случае в соответствии с принципами, установленными законодательством о контрактной системе, все участники торгов должны добросовестно конкурировать друг с другом во время проведения торгов.

Отсюда же вытекает следующий вопрос. В п. 22 Постановления № 2, посвященном всем видам картелей, говорится о подтверждении наличия конкурентных отношений результатами проведенного анализа состояния конкуренции на товарном рынке. Относится ли это положение к торгам? Статья 11 Закона о защите конкуренции рассматривает ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов: а) на товарных рынках; б) на торгах. Нужно ли в принципе проводить анализ состояния конкуренции при доказывании картеля на торгах, и если да, — то в каких пределах? Одинаков ли будет объем исследований состояния конкуренции, который проводит антимонопольный орган в отношении картелей на товарных рынках и картелей на торгах?

Согласно ч. 5¹ ст. 45 Закона о защите конкуренции при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган должен проводить анализ состояния конкуренции в том объеме, который ему необходим для принятия решения о наличии или отсутствии антимонопольного нарушения, по при-

знакам которого возбуждено дело. Соответственно, объем такого анализа в каждом деле может отличаться в зависимости от допущенного правонарушения.

Как указано в п. 10.3 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденного приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220⁵ (далее — Порядок № 220), в ходе анализа относительно доказывания картелей на товарных рынках определяются продуктовые и географические границы рынка с учетом предмета соглашения, а также наличие конкурентных отношений между участниками. По факту установления картелей на торгах проводится «усеченный» анализ состояния конкуренции, он включает в себя определение предмета торгов и определение состава хозяйствующих субъектов, участвующих в торгах либо отказавшихся от участия в торгах в результате соглашения (п. 10.10 Порядка). В данном положении не сказано, что в ходе проведения такого анализа требуется установление факта нахождения участников и потенциальных участников в состоянии конкуренции. И это понятно, поскольку ограничение, устранение конкуренции выявляются (соответственно, соглашение реализуется) не на товарном рынке в целом, а в ходе совершения антиконкурентных действий непосредственно на торгах при проведении соответствующей процедуры торгов до ее завершения (подведения итогов).

С учетом этого представляется, что требование о доказывании факта нахождения в состоянии конкуренции лиц, входящих в группу на основании ст. 9 Закона о защите конкуренции, не распространяется на торги. В противном случае требование суда о представлении доказательств нахождения в конкурентных отношениях участников торгов, входящих в группу лиц, будет противоречить не только Порядку № 220, но (а это главное) и самому смыслу торгов как процедуры, априори исходящей из состязательности конкурсантов, принимающих участие в торгах. К этому можно добавить, что, принимая участие в торгах, каждый участник понимает, что именно он, а не группа лиц принимает на себя обязательство в случае победы на торгах заключить контракт и исполнить обязанности, вытекающие из условий контракта. Иными словами, с учетом проведенного антимонопольным органом анализа рынка для определения товара и границ товарного рынка с целью установления факта нахождения в конкурентных отношениях участников картеля достаточно исходить из того обстоятельства, что, приняв решение участвовать в торгах, участники торгов, входящие в одну группу лиц, в период торгов являются конкурентами по отношению друг к другу на это время.

⁵ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

Как показывает судебная практика, при доказывании недобросовестного поведения членов группы на торгах, например, когда такие участники действуют согласованно и реализуют агрессивную по отношению к другим добросовестным участникам торгов модель поведения, а потом ссылаются на нормы ч. 7 и 8 ст. 11 Закона в целях непривлечения их к ответственности за создание картеля, суд это видит и, исходя из того, что такие торги нельзя признать честными, фактически наказывает участников группы за создание видимости конкурентных торгов. Суд указывает в решении, что такие организации, заранее выработав поведенческую стратегию, явно не соперничали на торгах, и, особо не вдаваясь в исследование вопроса о том, в какой степени участники группы взаимосвязаны друг с другом, констатирует наличие антиконкурентного соглашения, а участников картеля признает конкурентами по факту их участия в торгах как в конкурентной процедуре. Но это мы говорим о поведении реально существующей группы лиц. Есть другая проблема, которая довольно часто встречается в практике, и заключается она в следующем. Хозяйствующие субъекты не подконтрольны друг другу, они не входят в одну группу лиц, но объединились только с целью участия в торгах, для чего заключили мнимый договор (агентский договор, договор о совместной деятельности и т. п.), а это такая квазигруппа лиц, участники которой фактически являются конкурентами. Подобного рода договоры судами квалифицируются как мнимые сделки, их действия подпадают под антимонопольный запрет, и квалифицируются такие действия и соглашения как антиконкурентные.

Не вдаваясь в детали, представляется, что все эти проблемы с манипуляцией на торгах возникают в зависимости от того, как (а главное, для чего?) сформулированы ч. 7 и 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Данные исключения (иммунитеты) в вопросе квалификации антиконкурентных соглашений не могут использоваться для обхода закона и покрытия злоупотреблений, в частности для создания «видимости» торгов. Поэтому для решения вопроса правильного применения критериев подконтрольности, указанных в данной норме, недопустимости расширительного толкования считали бы целесообразным дополнить ст. 11 Закона о защите конкуренции указанием на то, что положения ч. 7 и 8 данной статьи (об иммунитете) не применяются к п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, либо в целом указанием на то, что иммунитеты не могут применяться в случае, если действия контролируемых лиц приводят (могут привести) к устранению или ограничению конкуренции.

В постановлении предлагается возможность дать заинтересованным лицам доказывать, что к хозяйствующему субъекту, формально вошедшему в группу лиц согласно ст. 9 Федерального закона «О защите конкуренции», не должен применяться правовой режим этой группы, если в действительности данный субъект автономен

в своем поведении, например, когда другие участники группы не имеют достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение. Понятно, что разъяснение, данное в этом пункте, продолжает развивать ранее заложенную идею о том, что группа лиц — это не формальное объединение юридически самостоятельных физических и юридических лиц, а реально взаимодействующая организация в едином экономическом интересе. Вместе с тем есть опасность того, что это разъяснение может внести некоторую неопределенность в понимание категории «группы лиц». Поэтому здесь важна будет судебная практика, как она будет формироваться и какие конкретные обстоятельства дела будут учитываться при разрешении данного вопроса.

Следует отметить, что в Постановлении № 2 содержатся такие понятия, как «*фактический контроль*» и «*экономическая зависимость*», где речь идет о фактической, а не законодательно (формально) установленной аффилированности между юридически независимыми лицами. Данное положение представляется вполне оправданным, поскольку, во-первых, это отражает современные подходы Верховного Суда РФ к возможности учета фактической связанности лиц при рассмотрении конкретных дел, а во-вторых, потому, что понятие аффилированных лиц было дано еще в Законе РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁶ (далее — Закон № 948-1). Так, в ст. 4 данного Закона указано, что под аффилированными лицами следует понимать физических и юридических лиц, способных оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Далее раскрывались случаи связанности последних с лицами, которых закон признает в качестве их аффилированных лиц. Данная норма не утратила силу в связи с принятием Закона о защите конкуренции.

Но поскольку существующая дефиниция аффилированных лиц устанавливает в ст. 4 Закона № 948-1 закрытый перечень такой связанности, правоприменительная практика пошла по пути расширения аффилированных лиц, беря за основу концепцию «фактического контроля». Например, при недоказанности незаконного «вертикального» соглашения направление лицом указаний покупателям относительно их поведения в отношении потребителей, в том числе если такие указания были реализованы в силу экономической зависимости, может быть квалифицировано в качестве недопустимой координации экономической деятельности (п. 26 Постановления № 2). Или возьмем п. 40 Постановления № 2

⁶ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 18.04.1991. № 16. Ст. 49.

о запрете определенным лицам участвовать в обязательных торгах. Так, ст. 17 Закона говорит о том, что при проведении торгов запрещается участие организаторов торгов или заказчиков и (или) их работников. Верховный Суд РФ в постановлении шире истолковал данную норму, добавив к этому списку запрета и иных лиц, которым организатор или заказчик имеют фактическую возможность давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять их действия.

В то же время институт фактического контроля не является новым для антимонопольного органа. Так, согласно Федеральному закону от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁷, запрещающему иностранному инвестору или российскому обществу, которое находится под контролем иностранного инвестора, осуществлять предпринимательскую деятельность в хозяйственных обществах, имеющие стратегическое значение, ФАС России осуществляет контроль за сделками, которые могут повлечь установление контроля над российскими хозяйственными обществами со стороны иностранных государств. В этом законе есть норма о том, что контролем иностранного инвестора над российскими юрлицами, деятельность которых имеет стратегическое значение, может быть признан случай, когда контролирующее лицо на основании договора или по иным основаниям получило право или полномочие определять решения, принимаемые контролируемым лицом. Управление контролем иностранных инвестиций ФАС России имеет значительный опыт в вопросах установления иностранного контроля над «стратегами».

Кроме того, как мы видим, в делах о банкротстве при решении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица также применяется абзац 26 ст. 4 Закона № 948-1 в том истолковании, что не исключается доказывание заинтересованности даже в тех случаях, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности (определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056)⁸.

Понятно, что таким образом в России решается проблема повышения эффективности защиты прав и законных интересов кредиторов и в целом стабильности гражданского оборота путем привлечения к ответственности

контролирующих должника лиц, приведших к несостоятельности предприятия, таким образом защищается публичный интерес. Полагаем, что указанное в полной мере применимо и к антимонопольному законодательству [4, с. 54—67; 5]⁹.

Из приведенных в Постановлении № 2 примеров об установлении фактического контроля также усматривается, что доктрина фактического контроля должна применяться очень аккуратно, в первую очередь в защиту публичных интересов, а не наоборот — как порождающая соблазн у нарушителей оправдать свои незаконные действия и использовать этот институт, к примеру, для целей манипулирования торгами. Важно, чтобы здесь не возникало правовой неопределенности и не размывалось понятие группы лиц со ссылкой то на фактическую аффилированность, то, наоборот, на автономность своего поведения в группе лиц, особенно в вопросах привлечения лиц к ответственности за действия, нарушающие антимонопольное законодательство, или в части контроля за экономической концентрацией, или при применении Закона 57-ФЗ при решении вопроса об установлении контроля иностранного инвестора над стратегическим объектом. Здесь особенно важно то, как именно будет формироваться судебная практика.

Выводы

Постановление № 2 хотя и не содержит определения понятия общего экономического интереса группы лиц, но включает положение, позволяющее сделать вывод о том, что внимание судов с общего экономического интереса группы лиц «переключено» на характер связей участников группы и на необходимость рассматривать поведение всей группы как одного участника рынка. Так, в п. 7 Постановления № 2 разъяснено, что по смыслу соответствующей нормы (ст. 9 Закона) для целей применения антимонопольных запретов группа лиц рассматривается как один участник рынка. При выявлении нарушений антимонопольного законодательства следует исходить из оценки допустимости поведения действующей в общем экономическом интересе группы лиц в отношении третьих лиц (иных участников рынка), если иное не установлено специальными положениями Закона о защите конкуренции, не вытекает из характера связей участников группы и не противоречит существу соответствующего антимонопольного запрета.

⁷ См.: СЗ РФ. 05.05.2008. № 18. Ст. 1940.

⁸ См.: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26052017-n-306-es16-200566-po-delu-n-a12-457512015/> (Дата обращения: 27.02.2022).

⁹ В последние годы в доктрине и судебной практике большинства государств все большее распространение получает подход, согласно которому сверхимперативными могут быть признаны помимо частноправовых публично-правовые положения, а в качестве примера сверхимперативных норм прямо упоминаются отдельные положения публично-правового характера, а именно нормы о картелях, конкуренции и ограничительной практике. — *Прим. авт.*

Это положение является важным для правоприменителя, поскольку в ходе рассмотрения дела могут возникнуть вопросы: а в чем заключается общий экономический интерес вашей группы? Можно ли в качестве такого рассматривать цель получения прибыли от общей хозяйственной деятельности группы лиц? Представляется, что да. Суд вполне может удовлетворить ответ участников группы, поясняющий, что их общим экономическим интересом является получение прибыли от общей хозяйственной или производственной деятельности. Полагаем, что установление конкретного интереса, объединяющего хозяйствующих субъектов в одну группу лиц, не является определяющим признаком наличия такой группы.

В то же время для суда будет важным оценить возможность потенциального влияния одного хозяйствующего субъекта на деятельность другого (скорее всего, это будет входить в предмет доказывания), в том числе не вышла ли группа, члены которой объединились с какой-либо целью (например, для участия в торгах), за пределы поведения, допустимого для одного участника рынка? Каков характер связей участников группы? Какие реальные отношения участников группы лиц скрываются за формой юридического лица? Каково подлинное экономическое содержание их хозяйственных операций? Не противоречит ли характер связей между хозяйствующими субъектами существу соответствующего антимонопольного запрета? ■

Литература [References]

1. Антимонопольное постановление Верховного Суда // Закон. 2021. № 3. С. 16—32. [Antimonopoly ruling of the Supreme Court // Zakon. 2021;(3):16-32 (In Russ.)]
2. Писенко К. А. Конкуренция не имеет абсолютной ценности в самой себе, она оценивается через ито-

говый результат // Конкуренция и право. 2021. № 2. URL: <https://cljournal.ru/interview/227/> [Pisenko K. A. Competition has no absolute value in itself, it is evaluated through the final result // Competition and law. 2021;(2). URL: <https://cljournal.ru/interview/227/> (In Russ.)]

3. Тарибо Е. Антимонопольные разъяснения Верховного Суда РФ // Конкуренция и право. 2021. № 2. URL: <https://e.cljournal.ru/887501> [Taribo E. Antimonopoly explanations of the Supreme Court of the Russian Federation // Competition and law. 2021;(2). URL: <https://e.cljournal.ru/887501> (In Russ.)]
4. Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2017. 250 с. [Zasemkova O. F. Overimperative norms of private international law: concept, features, practice of application: Diss. PhD in law. M., 2017. 250 p. (In Russ.)]
5. Акимова Ю. М. К вопросу о соотношении принципа диспозитивности и свободы договора // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 94—97. [Akimova Yu. M. The problem of distinction between the categories “the parties’ autonomy”, “the freedom of contract” and “the free exercise” of rights by the parties // Business in law. 2014;(6):04-97 (In Russ.)]

Сведения об авторе

Тимошенко Алефтина Сергеевна: доцент, директор Института развития конкуренции и антимонопольного регулирования Санкт-Петербургского государственного университета, помощник руководителя ФАС России, судья в отставке
aleftinat@bk.ru

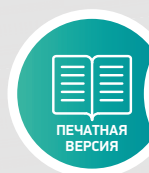
Статья поступила в редакцию: 22.12.2022
Одобрена после рецензирования: 14.03.2022
Принята к публикации: 15.03.2022
Дата публикации: 29.03.2022

The article was submitted: 22.12.2022
Approved after reviewing: 14.03.2022
Accepted for publication: 15.03.2022
Date of publication: 29.03.2022

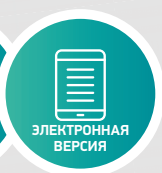
Федеральная
Антимонопольная
Служба

**Журнал
выпускается
ежеквартально
в двух форматах**

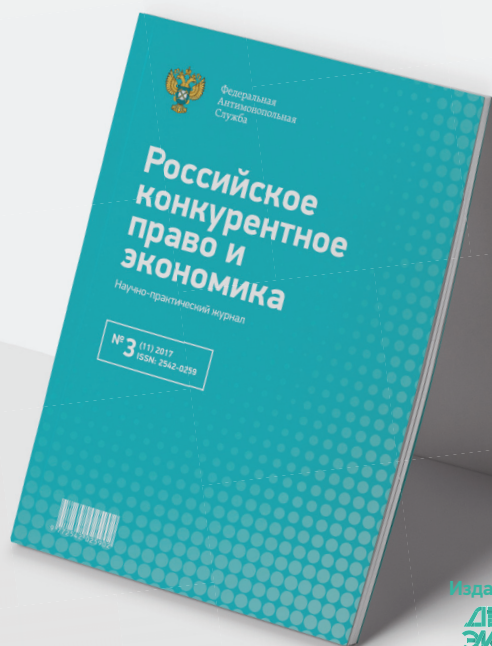
ПЕЧАТНАЯ
ВЕРСИЯ

Тираж
3000 экз.

ЭЛЕКТРОННАЯ
ВЕРСИЯ

Рекомендован ВАК

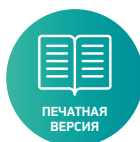

Издательский дом
**ДЕЛОВОЙ
ЭКСПРЕСС**
+7 (495) 787-52-26

Подписаться на журнал

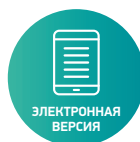
Практическое применение антимонопольного законодательства и развитие конкурентного права

- Экспертные мнения ведущих специалистов ФАС
- ГЧП и закупочная деятельность
- Государственная политика по развитию конкуренции
- Антимонопольный комплаенс
- Картели. Монополии
- Концессионные соглашения
- Регулирование рекламной деятельности
- Интеллектуальная собственность

ПЕЧАТНАЯ
ВЕРСИЯ

6 МЕСЯЦЕВ
1 960 ₽
12 МЕСЯЦЕВ
3 720 ₽

ЭЛЕКТРОННАЯ
ВЕРСИЯ

6 МЕСЯЦЕВ
1 340 ₽
12 МЕСЯЦЕВ
2 480 ₽

Стать автором журнала

**У вас есть возможность выразить
свое мнение по решениям ФАС,
опубликовав научно-практические
материалы и обзоры на страницах журнала**

БЕСПЛАТНО

Плата за публикацию
рукописей не взимается